

ПЕТРОГРАДСКИЕ АДРЕСА ЕСЕНИНА

Ленинград. Улица Красной Конницы, 8. В этом доме бывал С. Есенин.

нежный, ласково-чарующий крестьянский лирик Сергей Есенин...».

Легко себе представить, как порадовали молодого поэта эти слова, как много они значили для его дальнейшего творческого роста.

Знакомство Бухаровой с Есениным произошло, по-видимому, в начале 1916 года в Передвижном театре П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Зоя Бухарова сотрудничала с этим театром, часто бывала там на репетициях и спектаклях. Есенин тоже часто посещал этот театр и был уже тогда дружен с ведущим актером труппы В. В. Шимановским.

О том, что Есенин бывал у Бухаровых дома в 1915—1916 годах, написал в своих воспоминаниях В. С. Чернявский, друг Есенина, тогда студент, впоследствии актер. Он вспоминал, что Зоя Дмитриевна «крайне тепло и чутко» относилась к поэту. В семье Бухаровой Есенина звали «Сергуней».

Где же жила З. Д. Бухарова в то время? В справочной книге «Весь Петроград» на 1915 и 1916 годы есть адрес Бухаро-

вой Александры Викторовны — матери писательницы, в молодости известной певицы: «Кавалергардская улица (ныне улица Красной Конницы), дом 8». По этому же адресу значится Казина Зоя Дмитриевна.

Из книги «Русские писатели 1880—1917 гг. Биографический словарь» удалось уточнить, что Казина — это фамилия Бухаровой после замужества. А печаталась она под своей девичьей фамилией. Так стал известен еще один адрес пребывания Сергея Есенина в Петрограде в 1915—1916 годах: Дом № 8 по улице Красной Конницы, пятиэтажный, с эркером, лепными украшениями и небольшим оригинальным шатровым завершением, без всяких изменений хорошо сохранился до наших дней.

Еще один пока нигде не упомянутый адрес пребывания Есенина в Петрограде в 1915 году: Васильевский остров, 18-я линия, дом 9. Здесь жил до 1936 года известный художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Его жена Мария Федоровна пишет в своих воспоминаниях: «...Как-то раз, в воскресенье, в 1914 году нас посетил молодой человек, одетый в поддевку и большую синюю папаху... У него были выщипанные светлые волосы, которые ниспадали на плечи. Ему было 19 лет. Это был Сергей Есенин. Увидя дружелюбные лица, он попросил разрешения прочитать свои стихи... Красивая русская рубашка, весь внешний вид гармонировал с его стихами...».

В этих строках обращают на себя внимание некоторые неточности и неясности, которые, впрочем, нетрудно поправить. То, что встреча Есенина в семье Петрова-Водкина произошла в Петрограде, сомнений не вызывает. Художник жил в городе на Неве с 1913 года до конца своей жизни, с небольшими перерывами. Но в 1914 году Есенина в Петрограде не было. Да и в такой одежде, как описала Мария Федоровна, поэт появился в различных литературных салонах и модных гостиных только осенью 1915 года, после того, как он познакомился и подружился с Н. Клюевым.

Вероятнее всего, в гости к К. С. Петрову-Водкину на Васильевский остров Есенин приходил в середине октября 1915 года...

Третий, ранее не известный, петроградский адрес пребывания Есенина удалось найти мне совместно с ленинградским кол-

лекционером Д. В. Екшурским. Этот адрес связан с именем писательницы, комиссара флотилии в годы гражданской войны Ларисы Михайловны Рейснер, ровесницы Есенина, пережившей его всего лишь на два месяца.

На постоянное место жительства в Петербург Лариса Рейснер приехала вместе со своим отцом Михаилом Андреевичем сразу же после революции 1905 года. М. А. Рейснер стал здесь приват-доцентом Императорского Петербургского университета. В журнале «Рудин», который с осени 1915 года издавал в Петрограде М. А. Рейснер, Лариса Михайловна (под псевдонимом «Л. Храповицкий») опубликовала статью с отзывом о концерте литературно-художественного общества «Краса». Очевидно, она побывала на этом концерте и слушала там выступление Есенина.

В редкой ныне книжке Иннокентия Оксенова «Лариса Рейснер» (Рабочее издательство «Прибой», 1927 г.) есть такие строки: «...В 1915—1916 гг. Лариса Рейснер слушала курс историко-филологического факультета Петроградского университета. В эти годы вокруг нее сгруппировался кружок молодых поэтов-студентов, в который входили Вл. Злобин, В. Гривус, Всеволод Рождественский, Георгий Маслов (автор поэмы «Аврора»), Анна Регат и другие. Бывал в этом кружке и Сергей Есенин, приехавший в Петроград осенью 1915 года. «Душой» кружка была Лариса Рейснер... Собрания кружка проводились на квартире Рейснеров».

С Вс. Рождественским Л. Рейснер связывали не только общения в литературном кружке, но и личная дружба. В своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни Всеволод Рождественский, в частности, написал: «Однажды я затащил Есенина в кружок наших университетских поэтов. Нашлась у кого-то гитара, Есенин сел боком на стул, задорно тряхнул кудрями и уверенно тронул струны. Мягко, вполголоса, пел он песни, свои и чужие, а лицо его было задумчивым и строгим.

Когда попросили прочесть стихи, он также просто отставил гитару в сторону и начал читать, постепенно все более и более увлекаясь движением собственной речи...».

Происходило это, как подсказывает тот же «Весь Петроград», в доме 26-б по Большой Зелениной улице, вероятнее всего, в ноябре 1915 года. Здесь жила Л. Рейснер, здесь проходили собрания литературного кружка...

Ларису Рейснер и в дальнейшем интересовало творчество Сергея Есенина. 30 декабря 1925 года она участвовала в траурной церемонии прощания с поэтом. У гроба Есенина в Москве в главном зале Дома печати она стояла рядом с С. А. Толстой-Есениной и Дмитрием Фурмановым.

Лев КАРОХИН

ЛЕНИНГРАД

Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуйся, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

(Кстати, стихотворение это имеет довольно символическое окончание: «Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть». Но ни умереть спокойно не дали, ни напечатать стихотворение так, как он хотел.)

Стихотворение это вошло во все современные издания произведений поэта, во все собрания сочинений. И первые его строки звучали именно так, как приведено выше. Однако в последнем, шеститомном, наиболее полном собрании сочинений (ИХЛ, 1977—1980), которое должно было бы стать самым авторитетным (ведь уже имелся опыт издания нескольких собраний сочинений), вторая строфа напечатана в таком виде:

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуйся, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?

В конце строки напечатана эдакая маленькая закорючка, всего лишь вопросительный знак. Но знак этот в корне меняет смысл высказывания. И не простого высказывания, а очень существенного, можно даже сказать — концептуального, характеризующего отношение поэта к родине, к России. Утверждение превращено в вопрос.

Однако знак этот, придающий высказыванию поэта противоположный смысл и напечатанный полумиллионным тиражом, уже пошел гулять по другим изданиям (ведь шеститомник, как уже говорилось, должен считаться самым авторитетным изданием, его тексты — источником для других массовых изданий), примером чему может служить «Избранное» (М., «Худ. литература», 1985), изданное 330-

тысячным тиражом, в котором так и указано: «Тексты печатаются по изданию: С. А. Есенин. Собр. соч. в 6-ти томах. М., «Художественная литература», 1977—1980 гг.».

А ВОТ еще одна мелочь, деталь, при помощи которой стараются принизить Есенина. Для ее подачи используется так называемый «метод присоединения».

Я живу недалеко от Курского вокзала и часто прохожу вдоль фасада этого сооружения, могучей творческой мыслью талантливых архитекторов воплощенного в образе огромного стеклянного сарая. У выхода из вокзала постоянно стоят автобусы Московского экскурсионного бюро, и организаторы экскурсий через мегафон завлекают транзитных пассажиров, которым надо «перекачаться» в Москве несколько часов в ожидании своего поезда, на интересную экскурсию по столице. Окончание этого завлечения звучит всегда одинаково: «...побывайте на Красной площади, на Ленинских горах, а также на Ваганьковском кладбище, на могилах великих русских поэтов Сергея Есенина и Владимира Высоцкого». Следует учесть, что эта реклама повторяется ежедневно, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, слышат эти слова сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Кто-то покачивает головой и подумает: «Во дают!». Большинство же, знающих Высоцкого лучше, чем Есенина, примут это мегафонное откровение как должное.

А что, собственно, такого? Ясно, что славе талантливого актера и барда Высоцкого от такого «присоединения» — только прирост. Да еще какой! Ясно, что от Есенина при такой попытке постановки его на один уровень с Высоцким — «не убавит», как, кстати, не «убыло», вообще говоря, и от Пушкина после опубликования известных «Прогулков». Потому как ходить Пушкину на «прогулки» с Аб-

рамом Терцем — никакого интереса. Уровень слишком разный.

Страшно то, что «убудет» у неподготовленного, кое-как знающего Пушкина в объеме школьной программы читателя «Прогулков», «убывает» от такой рекламы у наивных и простодушных пассажиров — гостей Москвы, столицы нашей Родины, которая сливет одним из крупнейших культурных центров.

А Х, КУЛЬТУРА ты, русская культурал! Как возродиться тебе? А чтобы узнать это, может, надо сначала понять — откуда она берется? Может быть, бывает, что берет-ся она тоже из малого, из детали какой-нибудь, из мелочи?

Вернемся в Константиново. Три окна дома поэта выходят на улицу, где экскурсанты ходят, сельские жители. А еще что? Ну, церковь видна. И все? И все.

Нет, не понять ни нам, ни детям нашим, которые с младенчества видят из окна своей бетонной ячейки соседние бетонные и стеклянные сараи, — как это было. Как пробуждающееся сознание деревенского младенца, мальчика, воспринимającego и осваивающего окружающий мир, насыщалось все время — изо дня в день, годами — из своего окна, прорубленного в теплой бревенчатой стене, образом изукрашенного, прекрасного Храма Божия. И весной, и летом, и осенью, и зимой, и в дождь, и в снег, и при луне, и в сиянии солнца, когда оживает и распускается, цветет и умирает природа — стоит в окне Храм, прекрасное творение добрых рук человеческих, посвященное Богу. А подойдешь к церкви, выйдешь на высокий берег Оки — и открывается взору полный горизонт, великие просторы российских земель.

Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ

Гонорар за эту статью автор перечисляет в Фонд восстановления Храма Христа Спасителя.

не Есенина, а «есенинщину», и при этом говорят, что «каким бы тенденциозным не представлялось отношение Бухарины к Есенину, оно не дает оснований обесценивать бухаринский вклад в строительство социалистической культуры». И мы уже уведены от простой мысли, что если для строителей «социалистической культуры» бухаринская оценка поэта (и все, что за ней последовало) является одним из «вкладов», то в любой иной (не «социалистической», а более-менее человеческой) культуре таких «вкладчиков» с их «вкладами» просто на порог не пускают. Но самое неприятное то, что Бухарин, который действительно был человеком талантливым и умным, наверное, все же не мог не понимать, кто такой Есенин, но он постарался выполнить политический заказ. А выполнение таких (и гораздо более сложных) заказов, как правило, человеку ни таланта, ни ума не прибавляет, а ведет его к все большей зависимости от заказчика...

Так и ждешь, что вот-вот появится еще какой-нибудь подобный «вклад» в Есениншину, какие-нибудь «Прогулки с Есениным». А пока такие «Прогулки» пишутся, там и сям появляются небольшие детали, мелочи, эдакие заготовки для них.

Методы подачи «мелочей» разные. Вот, к примеру, «типографский метод». На эту деталь, на эту «мелочь» обратил мое внимание поэт Юрий Паркаев — один из исследователей жизни и творчества Есенина.

Многие помнят стихотворение Есенина «Спит ковыль. Равнина дорогая» (июль, 1925). Вот его первые строки:

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовая тяжесть полей.